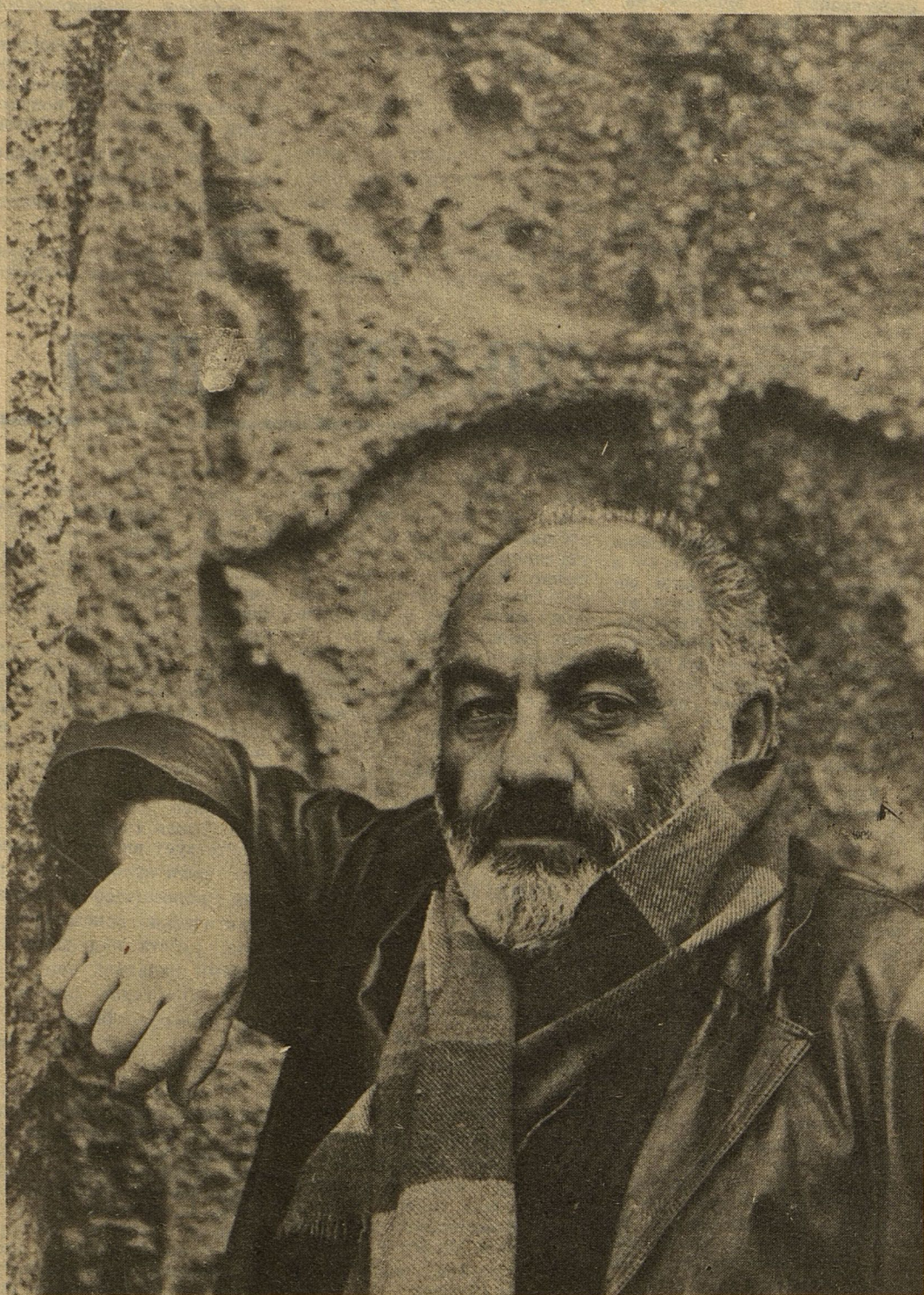

Коммунист. - Ереван. - 1990. - Микелл

ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ КИНОРЕЖИССЕРА

С. ПАРАДЖАНОВ:

(из интервью, данного в Ереване в январе 1988 года на открытии выставки его произведений в Доме народного творчества)

«Все знают, что у меня три родины. Я родился в Грузии, работал на Украине и собираюсь умирать в Армении».

«У меня с годами возникает еще большая нежность к Родине, где я, к сожалению, пока не живу. Для меня Армения — это искусство и история, это мои друзья, мои радости, наши творческие потери».

«Народность для меня выше всего и самое дорогое, что есть в жизни. Поэтому для своей выставки я выбрал Музей народного творчества. Я лишая критиков права считать меня профессиональным художником. Я режиссер и горжусь этой профессией. Никогда не лез снимать в своих фильмах, чтобы увековечить себя».

«Биография. Я не очень-то помню свою биографию. Что моя биография? «Дард» (горе) — вот это вечная ее форма».

ОН ДАРИЛ КРАСОТУ

Параджанов — большой художник и большой ребенок. Что бы ни выпало на его долю — каких только жизненных потрясений не случилось на его пути, с каким только недожелательством и злом не приходилось ему встречаться — все равно Сергей Параджанов оставался исключительно добрым человеком. Никакой озлобленности не таил в душе, а в искусстве никогда не изменял своим нравственным и творческим принципам.

Он пришел в мир для того, чтобы дарить людям красоту. Это огромное счастье иметь такое предназначение свыше и верно служить своему призванию.

Прощай великий мастер, огромное спасибо тебе за все, что ты сотворил.

Твое имя навсегда останется в истории отечественной и мировой культуры!

С. ИСРАЕЛЯН,
председатель правления
СК Армении, народный
артист Армянской ССР.

Еще месяц назад дела у Параджанова пошли на поправку, и мы начали надеяться, что он сможет преодолеть свой недуг. Надеялись, что его новый ереванский дом, прежде чем стать музеем, согрется его энергией, обретет неповторимый параджановский облик. А потом, думали мы, бог даст, продолжит работу над последним своим фильмом — «Исповедью». Но уже две недели спустя стало ясно, что остались считанные дни. Парижский госпиталь был бессилею остановить развитие неизлечимого недуга.

В Ереване стоит очень жаркая погода. Праздник «Вардавар» весело и желанно разворачивается во дворе моего дома. А я вспоминаю зимние декабрьские дни 1987 года, когда приглашенный на съемки параджановского «Ашиг-Кериба» («Грузия-фильм») готовился к кинематографическому Вардавару. Дни стояли холодные, была опасность простудить актеров. Параджанов, который очень дорожил актерами, решил переосмотреть эпизод. Воду заменил рисом, солнечные брызги света — пасмурной погодой. Этим эпизодом начиналась картина. Эпизод получился красочный, загадочный. Год спустя в Венеции на фестивале журналисты спрашивали у мастера, что это у вас за такой красивый обычный бросать друг в друга рис...

Писать о Сергее Параджанове мне сейчас очень трудно. Последние четыре года я связан был с ним творческой работой. Снял «Ашиг-Кериб» и поездив с ним по миру, мы начали работу над «Исповедью».

Работа с самого начала не клеилась. Поводов для недовольства и раздражений было предостаточно. Однако стало ясно, что Мастер нервничает не без причин. После проверки в одной из клиник Тбилиси стало ясно, что операция неизбежна... Стоит ли рассказывать о том,

машинный адрес, мы растерялись. Тбилисский дом его уже был пуст, а в ереванский — он еще не успел вселиться. Обо всем этом потом, не сейчас.

В потоке телеграмм и в траурном шествии будут слова горькой печали, потрясенный, целительных молитв.

С ЧЕГО НАЧАТЬ...

как с опозданием в двадцать лет ему было присвоено звание лауреата Государственной премии за «Цвет граната» («Саят-Новы»). Мир давно включил этот фильм в список величайших произведений кинематографа. Диплом лауреата не успели вручить. Денежную часть передал беглецам. А вот диплом и значок до сих пор в письменном столе у чиновника лежат. Диплом народного артиста тоже не видел. Тяжелобольной в Париже, он прижимал к груди газету из Еревана с указом Верховного Совета. И хотя ему были глубоко чужды эти игры в звания и почести, он радовался этой вести потому, что она была из Армении. В горсовете был уже готов диплом Почетного гражданина города Еревана на имя Параджанова. Когда в приемной Республиканской больницы спросили его до-

ведь вокруг Параджанова было несметное количество людей: друзей, обожателей и просто любопытных. С ним было сытно, как в хорошем ресторане. С ним было весело, как на хорошей ярмарке. Он ежечасно выдавал спектакли — импровизации и бесподобного качества, зрелища, достойные лучших театральные подмостков. В сиятельном восторге его фантастический дом на Коте Месхи, 7, покидали соседи, заморские гости, деятели кино, театра, писатели и актеры. Покидали окрыленные надеждой, счастливые, одаренные уникальными вещами параджановской выдумки. Сколько томов восторга исписано посетителями его выставок в Мюнхене и Париже, Тбилиси и Ереване.

Он богом был создан для титанических дел на благо народов. Спросите на весь

мир: чей шедевр «Тени забытых предков», чья «Легенда о Сурманской крепости», чей «Цвет граната». И мы услышим стройный хор: он наш. Он наш!

А где найти тех, кто так усердно мешал ему работать, ведь их нельзя забыть. Воинствующие и находящиеся при власти невежды, коржили бесподобные деяния великого Мастера, определившего на многие десятилетия развитие киноискусства.

В зрелые годы он непрерывно пребывал внутри административно-командного заговора. Как-то он горько заметил, что по сравнению с ним Тарковский счастливый художник, т. к. осуществил почти все свои замыслы. Он же, Параджанов, многое не успел сделать. Не дали. Вспомните судьбу «Теней», «Киевских фресок», «Цвет граната», «Легенды о Сурмане». Теперь к ним прибавляются «Ашиг-Кериб» и «Исповедь» и еще более двадцати совершенно потрясающих сценариев.

А пресловутые судебные процессы над ним с приговором длиной в пятнадцать лет?

Сейчас не время исков. Низко склоним головы у могилы великого нашего соотечественника.

Саркиса Овсеповича Параджаняна и пусть земля родной Армении ему будет пухом.

Альберт ЯВУРЯН,
кинооператор, народный
артист Армянской ССР,
лауреат Государственной
премии.

В знак печалей и радостей...

зад Сергей Параджанов «ворвался» в наше размеренное, серое, «будничное» кинобытие. Вторгся в него «шумно», броско, неупутено... Вздвинул ленивую, «сонную» атмосферу, царившую в ветхих, глинобитных хибарках по улице Теряна, где тогда помещался «Арменфильм».

Общаясь с «неистовым» Параджановым, находясь с ним под одной крышей, нам казалось, что он один заполняет всю емкость помещения, один поглощает воздух всем предначертанным, не оставляя никому ни грамма кислорода, ни метра жизненного пространства...

Так казалось нам тогда. По глупости, с перепугу, возможно, и из зависти.

Но потом пришло убеждение, что именно он, Сергей Параджанов, наполняет «студийные емкости» кислородом. Пробуждает в нас гражданское, национальное самосознание. Веру в себя, в значительность своего предназначения...

В годы, как теперь принято говорить, «застойные» призвал он к борьбе за творческую независимость художника. Проявлял активную нетерпимость к невежеству, недомыслию, к администрированию в искусстве, к цензурному произволу. К любому насильству над личностью художника...

И, вероятно, поэтому против взбунтовавшегося режиссера ополчились все и вся...

Над моим рабочим столом

вот уже четверть века висит графический портрет Сергея с дарственной надписью, выполненной известным украинским художником Якутовичем.

В числе мудрых и добрых слов там написано: «... В память печалей и радостей... С верой, надеждой и любовью...».

Всю жизнь Параджанову неизменно сопутствовали радости и печали. Печалей, пожалуй, было больше. Но были и радости. Радости, дарованные «второй, надеждой и любовью», как он любил говорить.

И именно эти, библейские понятия определяли мощь его непреодолимого творчества. Они сопутствовали ему всю сознательную, мудрую и неоднозначную жизнь.

Понятия эти с могучей силой раскрылись в его сценарии «Исповедь», которому не суждено было обрести экранную жизнь. «Исповедь» Параджанова стала бы исповедью его поколения, нашего поколения, прожившего суровую, голодную и тревожную молодость...

Великий художник поднимал «планку» армянского национального киноискусства на недостижимую высоту. Недостигаемую даже в добрых мечтах.

И еще долгие времена высоту эту будут цитировать отважные, отталкиваясь «параджановским» шестом от нашей нелегкой жизни.

Юрий ЕРЗИНКИН.

МУДРОСТЬ ХУДОЖНИКА

После фильма «Саят-Нова» Сергей Параджанов начал работать над фильмом об Андерсене на студии «Арменфильм», а через двадцать дней в поезде Москва—Киев его арестовали. Так не состоялся фильм «Чудо в Одессе». Так мы не увидели карету всю в зеркалах, проезжающую в березовом лесу. Вместо этого сказочного видения я получил из лагерей... волосы Параджанова в целлофановом пакете. «Если что, поставь свечу в Эчмиадзине», — писал он, — осталось 1732 дня до свободы». В письме он писал, что ему хотят добавить еще 5 лет, что, наверное, это конец. Через четыре года его освободили, потом почти пять лет не давали работы, потом снова тюрьма. Свои 50-летие он встретил в лагерях.

15 лет он не прикасался к кинокамере. Ушли лучшие годы, не осуществились замыслы. Я говорил ему, что у нас государство делает биографию Художника. Одного чести почем зря и награждает, другого бесчестит и сажает в тюрьму — мудрое государство, обоих хочет превратить в послушных рабов. В обоих убивает Художника. Государство — убийца. Саранча. Чума России и подневольных республик. Злоба охватывала меня. Злился на словах и Параджанов. Но в искусстве об этом ни слова. В фильмах, снятых им после лагерей и тюрьмы, снова красота и изыск, никакой злобы, ни намека на пережитое. Вот великая мудрость Художника и урок всем нам.

Такой же урок мудрости и фильм «Исповедь», который он не успел снять. Это фильм-воспоминание. Но это не «Амаркорд» и не «Зеркало». Не Феллини и не Тарковский. Это — Параджанов.

Странная чувственная планета — золотая пыль старых ролей, золотой волос возлюбленной, золотые и серебряные памятные вождел. Бульдозеры на кладбище предков. Сиреневый тюль, зацепившийся за трос фуникулера и развивающийся над городом детства.

Это художественное выражение последствий Революции, трагедия «человека, ищущего истину» и присутствующего при распродаже с аукциона своего наследия — «образов печали, доброты, надежд». «Человек» стоит под памятником Революционеру со всем тем, кто смог унести с аукциона.

Его не арестовывают, не волокут в изолятор. Нет, просто подозрительно смотрит на него милиционер. Прищурив глаза, презрительно смотрит на него юные пионеры в красных галстуках. Так мог видеть только Параджанов. Не частицы, а глобальный охват. Не гибель в сталинских лагерях, а гибель традиций, уклада, животворной связи времен. И это тоже урок мудрости Художника. Великого Художника, чья жизнь ушла, чья душа осталась запечатленной на киноплёнке.

Михаил ВАРТАНОВ,
режиссер-оператор.

ЛИЧНОСТЬ

Когда-то, точнее задолго до завершения съемок фильма «Цвет граната», я позволял себе доверить бумаге и печатать свои «отгадки» параджановского замысла. А сегодня я не хочу ни думать, ни писать о его фильмах. Потому что эти фильмы есть и никогда не исчезнут, надежно прописаны в мировом кинематографе, открыты для будущих поколений и любого зрителя. И каждый будет искать и находить в них то, что найдет для себя нужным.

Словом, Параджанов оставил после себя и фильмы, и чудовищные творения художественной фантазии, жанр которых подчас невозможно определить, и тексты, тексты, непечатаемые пока и нереализованные на экране — и сотни, тысячи ценителей искусства будут постоянно искать в общении с ними радость, а может быть, и смысл своего существования на земле. Все это впереди, и все это неизбежно. Но в этот горестный день хотелось бы увековечить миг много общения, который, увы, позабудется, как только уйдут из жизни те, кто знал или просто имел счастье хоть однажды повстречаться с Параджановым.

В еще недавние, так называемые застойные годы, в атмосфере всеобщей спячки и погруженности всех и вся в трясину меркантильно-потребительских интересов и забот, одно появление Параджанова на улицах и площадях Еревана можно было уподобить с каким-то возвышающимся каждому состоянием, когда не знаешь, почему и как начинаешь тянуться к этому коренастому молодому человеку, который излучает ауру и из плена ее невозможно вырваться.

Параджанов был немислим вне «окружения» — поклонников или просто знакомых, случайно оказавшихся рядом, но уже неслучайных, потому что и им передавался некий творческий импульс.

Сегодня я бы рискнул охарактеризовать этот импульс: эта заложенная в каждой душе тяга к подлинному бескорыстию, когда не задумываешься, в чем твоя выгода или личный интерес, отстраняешься от быта и суетного отсчета времени и просто, безотчетно отдаешься власти обаяния личности художника, входящий в игру красок и узоров, извергаемых из поистине неисчерпаемого источника — воображения Параджанова. Поражало, что Параджанов никогда не устал — а этой неугомонности была беспредельность его энергии, которая никогда не исчерпывалась, потому что он ничего не оставлял себе, щедро и постоянно дарил всем красоту.

Говорят, что великие не умирают, но обладают тактом ухода вовеки. Не знаю. Только не представляю Параджанова больным, каким-то другим, лишенным энергии, пластики, способности постоянно что-то дарить людям. Однако счет сегодня идет иной — каждая личность оставляет после себя не только дело своей жизни (фильмы, рисунки и т. д.), но и миг своего посещения мира.

Духовный опыт человечества фиксирует этот миг. В конце концов в гениальном... «Цвете граната» осуществлялось фаустовское «Остановись мгновенье! Ты — прекрасен».

И ничего ведь вечного нет в мире. Только миг.

Сурен АСМИЯН,
заслуженный деятель
искусства Армянской ССР.